

В ОБШИР-
НЕЙШЕЙ

почте, которую получал писатель, попадалось немало таких писем, которые содержали информацию, мягко говоря, не слишком лестную для порядков, установленных в стране Сталиным. Естественно, письма эти шли не из России. Их авторы - партийные и государственные деятели (А. Рыков, Л. Красин, Г. Пятаков и др.), люди науки и искусства (И. Бабель, М. Кольцов, К. Федин, О. Форш, В. Мейерхольд и др.), выезжавшие за рубеж и писавшие Горькому в Италию о наболевшем из Берлина и Парижа, Стокгольма и Анкары, Лондона и Копенгагена...

Помимо писем не меньшую ценность представляли собственноручные горьковские записи разговоров с теми из соотечественников, которым посчастливилось повидаться с писателем лично.

В результате долгих раздумий и дискуссий, в доме наконец приняли решение: чемодан с самыми важными бумагами должна увезти в Лондон Мария Игнатьевна Будберг.

Нет нужды представлять эту уникальную женщину, ставшую в итальянские годы Горького его секретарем и женой, но не решившуюся возвращаться с ним на родину.

Как известно, вернувшись в Россию в 1933 г., Горький по разным причинам так ни разу и не смог побывать за рубежом. А Мария Игнатьевна? Она отвечала однозначно: в Россию не приезжала до 1958 года.

По нашим же сведениям, "железная женщина", коей въезд в СССР был "запрещен", приезжала сюда по крайней мере шесть раз: в 1933 г. - 3, в 1934 г. - 1, в 1935 г. - 1, в 1936 г. - 1.

Почему же она с такой последовательностью отрицала то, чему свидетелями оказывались многие? Похоже, для того у нее имелась достаточно веская причина: похоронить информацию о своей причастности к судьбе лондонского архива.

Как же сложилась судьба лондонского архива?

Сведения на этот счет весьма противоречивы. К сожалению, избежать неточностей порой не удается и хорошо информированным авторам, даже Н. Н. Берберовой, автору сенсационной книги "Железная женщина". Касаюсь приезда М. Будберг в 1935 г. в Россию, о котором мы узнаем от А. Толстого, Н. Берберова заключает: "Видимо, в это именно время и происходили ее окончательные переговоры о привозе в Москву архивов Горького, которые были в свое время даны ей на сохранение и которые Сталин получил от нее в 1935 году" ("Дружба народов", 1990, № 12, с. 93).

Однако это мимолетное за-

вождающего из Лондона до Москвы и обратно и спецвагон на границе. Она должна привезти архив, в противном случае Горький никогда больше не увидит ее.

Мария Игнатьевна сообщила об этом своему давнему знакомому Локкарту, который немедленно сделал вывод: если она бумаг не отдаст, их у нее возьмут силой.

Выходит, теперь время возвращения документов уже не 1935 г., а 1936-й, июнь, последние дни жизни Горького. Вдуваемся в суть событий. Чтобы проститься с дорогим человеком, Горький отдает распоряжение привезти бумаги, компрометирующие в глазах Сталина десятки людей...

которая тогда виделась и говорила с Пешковой). Перемена позиции Будберг, по сведениям, объяснялась влиянием Локкарта, который тогда вел особую политику в отношении Москвы. В Москву Будберг приехала в апреле 1936 г., на границе ее ждал особый вагон, с вокзала она проехала прямо в санаторию, где тогда находился Горький, и там встретилась со Сталиным и Ворошиловым...

Из письма Николаевского со всей очевидностью явствует, что приезд Будберг в Москву состоялся именно в апреле 1936 г., Горький же тогда жил в Крыму, в Тессели. В столицу вернулся лишь 26 мая 1936 г. Скорее всего об этой апрельской поездке Муры Горький сам ничего не знал. И если это так, то происхо-

дило все под прямым воздействием людей Сталина, о чем ее прозорливо предупредил Локкарт.

Великий вождь был явно заинтересован теперь в том, чтобы всеми силами приблизить финал. В этой связи как явное преувеличение звучат слова Н. Берберовой о том, что "с лета

1935 года болезни держали его в абсолютной близости от смерти".

Что могло сыграть отрицательную, а может быть, и роковую роль в ухудшении состояния здоровья Горького? Совершенно неожиданное сообщение крайне неприятного свойства. Человек изощренного коварства, Сталин, будь он знаком с содержанием материалов лондонского архива, мог лично или через кого-нибудь (того же Ягуду) лишь намекнуть Горькому об этом, чтоб добиться эффекта удара молнии.

Маловероятно следующее предположение Н. Берберовой: "Возможно, что в 1935 году Е. Пешкова действовала без согласия Горького, самостоятельно..." Разве она не знала о категорическом запрете бывшего супруга отдавать архив кому-либо?

Возникает контрпредположение: Е. П. Пешкова могла сделать этот упреждающий маневр только с согласия Горько-

го и по его поручению, чтобы вызволить бумаги, угроза целостности которых возникла сразу после того, как отношения политика и писателя приобрели небывалую остроту и могли причинить вред многим.

М НЕ представляется совершенно несостоятельным предположение Н. Берберовой о том, что "архив Горького... был получен Сталиным путем сделки с умирающим Горьким", а Марии Игнатьевне в таком случае не оставалось ничего иного, как только сопроводить документы через границу и положить их на стол Генсека.

Как заявила Н. Берберова корреспонденту "Книжного обозрения", М. И. Будберг работала на пользу двух разведок - английской и советской. Естественно, под угрозой расправы, да еще при обещании, что Горький если и сможет узнать о доставке архива, то в крайнем случае на смертном одре, она вполне могла выполнить предъявляемое ей требование.

Если Сталин прикладывал усилия к тому, чтобы получить согласие умирающего Горького (в июне) на доставку бумаг, то с какой целью? Архив чрезвычайно нужен был Сталину для того, чтобы обратить его сначала против Горького (апрель!), а потом уже, с опорой на документы, - против других своих политических врагов, в первую очередь против Каменева (его защищал Горький) и Зиновьева, процесс над которыми начался спустя два месяца после того, как отзвучала мелодия похоронного марша. Напомним авторитетное мнение Роберта Конквеста, автора книги "Большой террор": начался таковой в стране не после убийства Кирова, а после смерти Горького.

Во время первого визита к больному, 8 июня, Сталин приказал принести бутылку сухого вина, чтоб выпить по бокалу за выздоровление дорогого Алексея Максимовича. Кто-то, а уж он-то лучше всех врачей знал, что выздоровления быть не может. Но надо было придать происшедшему видимость прямо противоположную тому, что было на самом деле. Большое это искусство - политика...

Вадим БАРАНОВ,
доктор филологических наук,
профессор
На снимке: М. Будберг

Как Сталин заполучил лондонский архив Горького

Среди проблем, вставших перед Горьким после того, как он решил в 1933 году окончательно вернуться в Советскую Россию, существовала одна, совершенно особая и волновавшая его чрезвычайно...

мечание о 1935 годе не получает дальнейшего своего подкрепления. Скорее - наоборот. Летом 1935 г. за границу выезжала Екатерина Павловна Пешкова "с целью повидать Муру и уговорить ее отдать архив Горького, доверенный ей два года назад для увоза в Россию. Но Мура отказала ей в этом. И Екатерина Павловна была сердита на нее".

Пока не касаемся вопроса о том, какими полномочиями располагала Е. П. Пешкова, попытаюсь вмешаться в судьбу горьковского архива. Ведь между Марией Игнатьевной и Горьким существовала твердая договоренность не передавать архив никому... Н. Берберова буквально в следующем абзаце пишет, что вскоре после этого на Муру было оказано давление кем-то, кто приехал из Советского Союза в Лондон с письмом от Горького: перед смертью он хочет проститься с ней. Сталин же дает ей сопро-

О ДНА из версий та, что бумаги попали в Россию в апреле 1936 г. (На первый взгляд, велика ли разница: апрель или июнь? Огромная! И мы сейчас убедимся в этом.) На сей раз уже сам издатель "Социалистического вестника" Б. И. Николаевский запрашивал одного из своих корреспондентов, известного американского журналиста Луи Фишера: знает ли он что-либо о том, что это случилось не в июне, а именно в апреле?

Н. Берберова публикует исключительно важное письмо Николаевского Л. Фишеру от 18 января 1966 г. Вот отрывок из него. "Сталин в 1935 г., когда Горький заступился за Каменева, отказал в выезде Горькому за границу на съезд писателей в Париже, потребовал выдачи ему архива. За границу приезжала Пешкова с полномочиями от Горького, тогда Будберг передать бумаги отказалась (это я знаю от Кусковой,